

сматривает ее творческую, технологическую и управленческую составляющие.

Литература

1. Попов В.Д. Информационная политика. М.: Издательство РАГС, 2003.
2. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003.
3. Зуев С.Э. Измерения информационного пространства (политики, технологии, возможности) // Музей будущего: информационный менеджмент. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Нисневич Ю.А. Информация и власть. М.: Мысль, 2000.
5. Bauman S. Defining Information Policy // Journal of Information Policy. 2011. №1.
6. Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг. М.: Экономика, 2001.
7. Матковский А.И. Информационная политика компании // Коммерческий директор. 2006. №8.
8. Orna E. Practical Information Policies. UK: Gower Publishing Company Limited, 1999.
9. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013.
10. Головкин Б.Н. Деловые издания: Информационный менеджмент массовой коммуникации. М.: Издательство Михайлова В.А., 2005.
11. Костров А.В., Коротеева О.С., Корнюшко В.Ф. Особенности информационного менеджмента в компаниях сферы услуг // Прикладная информатика. 2012. №1.
12. Тривно Т.А. Информационный менеджмент и управление государственной информацией как компоненты государственной информационной политики Канады // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №11.

Основные противоречия в системе отношений Россия – НАТО

Калачев Д.Н., Полулях Д.С.

Университет машиностроения, МГУ имени М.В. Ломоносова
kalachevdn@gmail.com, polulyakhdanil@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренних противоречий в системе Россия – НАТО. Авторы выделяют три вида внутренних противоречий – идеологические, экономические и военно-политические. Данные противоречия на современном этапе оказывают существенное давление на процесс взаимодействия сторон в сфере национальной безопасности России.

Ключевые слова: Россия, НАТО, противоречия

Отношения России и НАТО за свою более чем двадцатилетнюю историю испытывали как «взлеты», выразившиеся в закреплении и институционализации сотрудничества (с кульминацией в мае 2002 г. в виде создания Совета Россия – НАТО), так и «падения» по причине различных международных кризисов и конфликтов (косовский кризис, грузино-югоосетинский конфликт и присоединение Крыма к России в 2014 г.), но то, что оставалось неизменным – это элемент скрытого или явного соперничества между сторонами [11]. Среди факторов, активно формирующих отношения России с Североатлантическим Союзом, можно особенно выделить внутрисистемные противоречия. В их число входят (1) внутренние противоречия в системе Россия – НАТО в целом, (2) противоречия внутри Североатлантического союза и (3) внутренние противоречия стран. В данной статье мы сосредоточимся на первом типе противоречий.

Можно выделить следующие внутренние противоречия в системе Россия – НАТО в целом: (а) идеологические, (б) экономические, (в) военно-политические. Выделяемые нами условные составляющие (идеологического, экономического и военно-политического характера, опустив, например, демографический, информационный и временной) находятся в тесной нелинейной рефлексии и проявляются в конкретно-историческом контексте, что затруд-

няет их дифференциацию. Указанные характеристики накладываются на психическую природу человека со свойственными ему инстинктом самосохранения, стремлением к удовольствиям и самоутверждению и пр.

1. Идеологические противоречия

Идеология как система взаимосвязанных идей и концепций служит фундаментом для конкретной политики, в том числе социальной, экономической, финансовой, и, конечно же, военной.

Если на протяжении XIX–XX веков идеологическая война против России (Востока) велась под лозунгом «свобода против деспотии», то после известных событий, на первый взгляд, никакой заметной разницы в исповедуемых Россией и Западом идеологиях нет. И Россия, и Европа, и США солидарны в том, что демократическое устройство – оптимальная политическая система, а рынок должен быть основой экономического устройства. Но в рамках концепции «столкновения цивилизаций» как наблюдаемой доминанты современной политологии Россия не включена в понятие «Запад», куда естественным образом за некоторым исключением входят все старые страны-участницы НАТО и в своем большинстве – новые. Здесь уместно отметить тот факт, что процесс расширения Альянса на Восток, в первую очередь, происходил за счет стран католико-протестантской культуры Центральной и Восточной Европы. Тем самым посредством Североатлантического Союза реализуются естественные интересы западной цивилизации к экспансии своего влияния. И об этой цивилизационной миссии НАТО прямо говорится в преамбуле «Североатлантического Договора» 1949 года: «Договаривающиеся стороны преисполнены решимости защищать свободу, общее наследие и *цивилизацию своих народов* [курсив наш – Д.К.], основанные на принципах демократии, свободы личности и законности» [12].

Однако, как отмечается во введении русского издания «Ежегодник СИПРИ 2006»: «... приход на смену биполярности времен холодной войны нового дуализма, когда «другой» определяется на базе этнических, конфессиональных или культурных различий, создает для политиков гораздо больше проблем, нежели решает» [5, с. 7]. Тесная интеграция России в Западное сообщество существенно ограничена, и, в первую очередь, в силу ограниченности интересов последнего фактически лишь российской ресурсно-сырьевой базой. Иная сторона проблемы: готов ли к такой интеграции (оставив в стороне вопрос ее целесообразности) российский социум, с точки зрения самоидентификации. На наш взгляд – нет.

Вместе с тем, факт подготовки к вступлению в Альянс Украины и Грузии, имеющих глубокие культурные корни и исторически обусловленные связи с Россией, ограничивает применение рассматриваемой «цивилизационной» подоплеки, но не снимает противоречия Россия – Запад как такового, а подчеркивает его. Подтверждением может служить высказывание обозревателя Washington Post Ч. Краутхаммера (Charles Krauthammer): «Это, прежде всего, связано с Россией, а потом уже с демократией: Запад хочет закончить то, что начал с падением Берлинской стены, и продолжить марш Европы на Восток: главный приз здесь – Украина» [цит. по 3, с. 66].

И, что более существенно, к настоящему времени усиление позиции России в отстаивании своих национальных интересов, решительные действия по защите Южной Осетии и русскоязычного населения Украины во время кризиса на Украине 2014 г. вызывают на Западе плохо скрываемый исторический страх, который он испытывает к ней с середины XIX века. Красноречива точка зрения доктора факультета политики, международных отношений и европейских исследований Университета г. Лоборо (Великобритания) Роберта Доувера, характеризующая грузино-южноосетинский конфликт как противостояние Запада и России: «В глазах Запада агрессивный и экспансионистский образ России являет собой ее «подлинную» природу, а извлеченный Западом урок заключается в том, что ему вообще не следовало допускать формирование образа России как «умиротворенной» и позволять ей претендовать на былые имперские владения» [4, с. 29-36].

С нашей точки зрения, нежелание Запада считаться с национальными интересами Российской Федерации и обвинения последних лет в возрождении ее «имперских» амбиций есть

отражение его собственных притязаний на доминирующую роль в глобальных масштабах. Опираясь на объективные процессы, присущие современному обществу, на Западе идет формирование идеологии глобализации, посредством которой всему миру навязываются «передовые» универсальные ценности и соответствующие – единообразные – модели развития. При этом эффект такой глобализации не предполагает синергию, а ведет в сторону вестернизации мирового порядка. В результате чего глобализация как идеология, зачастую имеющая агрессивный характер, вызывает ответную реакцию, и не только России. Национальные государства поставлены перед жизненно важным выбором: либо оказаться втянутыми в орбиту этой наступательной идеологии, угрожающей ее суверенитету, либо противопоставить ей свою (в случае исламского радикализма – не менее агрессивную).

В этой связи необходимо отметить, что к настоящему времени Североатлантический Союз является не только проводником цивилизационной миссии Запада, но, как отражено в доктринальных документах Альянса, и действующим инструментом процесса глобализации по западному образцу.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на демократические преобразования в Российской Федерации последних десятилетий, к настоящему моменту идеологическое противоречие по линии Восток – Запад не преодолено. Оно лишь сменило плоскость.

2. Экономические противоречия

Следующие противоречия лежат в экономической сфере. В современном взаимозависимом мире возрастающая роль экономического фактора в развитии политических процессов не вызывает сомнения. Более того, зачастую именно экономические интересы несут в себе импульс, подталкивающий к кризисным ситуациям в политической сфере, именно экономика определяет стратегические риски для государств на долгосрочную перспективу.

Территориально-ресурсный потенциал Российской Федерации после распада СССР понес существенные потери: уменьшились площади выхода к Черному и Балтийскому морям, а наиболее богатые южные районы Каспия теперь находятся в других странах; нарушена прямая транспортная доступность Восточной и Центральной Европы и Транссибирской магистрали; дефицитными стали уран, хром, марганец и другие полезные ископаемые; сузилась зона благоприятных для ведения сельского хозяйства земель, и уменьшились рекреационные ресурсы. В числе прочих негативных тенденций данные изменения не могли не повлиять на отрицательную динамику доли страны в мировом валовом продукте. Так, например, в 2007 г. доля Российской Федерации в мировом продукте составила 3,18%, а доля США – 21,36% [17, с. 46], тогда как в 1990 г. это соотношение составляло соответственно 9,22% – для СССР и 20,73% – для США [8, с. 510].

Здесь необходимо отметить, Россия остается великой ядерной державой, единственной в мире способной «уничтожить НАТО за сорок минут» [2]. И на современном этапе наличие ракетно-ядерного потенциала страны несколько сглаживает негативные эффекты экономического разрыва, хотя и не отменяет последнего. В этой связи концентрация внимания политического руководства Российской Федерации последних лет на стратегических планах модернизации экономики России нам представляется архиважной. Выступая в январе 2007 г. на Давосском экономическом форуме в должности первого вице-премьера, Д.А. Медведев изложил достаточно четкую концепцию экономической модернизации России: «Сегодня перед нами стоят три основные задачи. Решение этих задач – это ключи к долгосрочному росту российской экономики... Первый ключ – это диверсификация. Второй – создание современной инфраструктуры. И третий ключ – вложения в человеческий капитал» [6].

Кроме того, избавление от бремени внешних долгов и стремительное укрепление российской экономики к 2008 г., и как следствие, активная позиция по отстаиванию национальных интересов России стали «неожиданностью для всех ее партнеров, включая США» [3, с. 65].

К настоящему времени Российская Федерация к статусу великой ядерной державы приобрела статус энергетической сверхдержавы, тогда когда роль энергетического фактора в мире трудно переоценить. Дефицит углеводородного сырья, усугубляемый военными кон-

фликтами на Ближнем Востоке, усиливает политизацию мировой топливно-энергетической сферы. «В предстоящие десятилетия наиболее вероятным источником вооруженного конфликта на европейском театре и в прилегающих регионах будет нехватка энергии и манипуляции ею», – так оценил ситуацию сенатор Ричард Лугар (США) [19]. Сенатор призвал к тому, чтобы НАТО могло прийти на помощь любому из членов Союза, источникам энергии которого можно угрожать. Идея получила большую поддержку восточноевропейских членов блока. А вскоре на саммите НАТО в Риге в ноябре 2006 года был поставлен вопрос об использовании структур Альянса для предотвращения потенциальных угроз поставкам энергоносителей в рамках Сил реагирования НАТО, состоящих из сухопутного, морского и воздушного компонентов. При необходимости их численность может быть доведена до 25 тыс. военнослужащих.

В не меньшей степени политизированы вопросы обеспечения транспортировки энерго-ресурсов и выбора ее маршрутов. В этой связи показателен перспективный для разработки углеводородов Каспийский регион (включая некоторые центральноазиатские страны), за использование ресурсов которого конкурируют Европа, США и Китай, пытаясь оттеснить российские компании и заблокировать альтернативные каналы транспортировки по российской территории. Еще одним свидетельством политического «навеса» на вопрос энергетических поставок служит позиция Украины в 2006, 2008 и 2014 гг. в спорах по ценообразованию с российской компанией «Газпром». Во всех эпизодах украинская сторона намеренно провоцировала обострение газового кризиса, транслировав его в Европу.

С нашей точки зрения, оба эти вопроса так или иначе затрагивают взаимоотношения России и НАТО, так как в первом случае наблюдается непосредственное присутствие его военного контингента в Афганистане и военных баз в центральноазиатском регионе, а во втором – касается планов расширения Альянса за счет Украины. И, в конечном счете, непосредственно затрагивают сферу безопасности Российской Федерации. Таким образом, интересы союзников по НАТО в энергетической сфере входят в противоречие с интересами России большего масштаба.

Сложившаяся экономическая асимметрия сторон не позволяет России заметно влиять на геостратегические устремления государств-членов НАТО посредством экономических рычагов. Но именно развитию имеющего российского потенциала стремятся воспрепятствовать наши партнеры по Совету Россия – НАТО и конкуренты в мировом экономическом соревновании.

3. Военно-политические противоречия

Как свидетельствует новейшая история, распад биполярной системы мира, приведший к качественному изменению соотношения сил, не разрешил всех противоречий и в военно-политическом аспекте отношений России и стран НАТО.

Рост благосостояния в Российской Федерации последних 14 лет поднял нашу страну не только в экономических рейтингах, но и позволил изменить военно-политический баланс в евразийском регионе. Но нельзя не признать, что геополитические позиции России в сравнении с бывшим Советским Союзом значительно сузились. Прежде всего это связано с тем, что: (а) военно-политическое влияние США как единственной оставшейся сверхдержавы достигло глобального масштаба; (б) расширил свои границы блок НАТО; (в) появились новые мощные геополитические центры в азиатско-тихоокеанском регионе – Китай и Япония; (г) активизировались агрессивные устремления исламского фундаментализма; (д) снизился экономический и следом военный потенциал Российской Федерации.

По сравнению с минимальным уровнем 1998 г. военные расходы Российской Федерации к 2005 году увеличились более чем в 2 раза. Однако этот значительный рост последовал за сокращением, происходившем в течение ряда лет, поэтому реальный уровень расходов в 2005 г. все еще был намного ниже, чем в конце 1980-х гг., и составил по западным оценкам 64,4 млрд долл. [5, с. 266].

Тем временем, военные расходы НАТО в 1996 – 2005 гг. увеличились на 34% (до 706,0 млрд долл) [Там же] и составили около 70% общемировых расходов на военные нужды.

Причем, «европейская составляющая» в расходах блока росла медленнее – всего на 10%. Военные расходы США возросли в 2005 г. до 478,2 млрд долл., что увеличило долю Соединенных Штатов в мировых военных расходах до 48% [Там же].

В результате радикальных сокращений вооруженных сил, проведенных с конца 1980-х гг. как в Российской Федерации, так и в странах НАТО, к 2006 году стратегический военный баланс качественно изменился в пользу Североатлантического Союза.

Складывающаяся диспропорция, особенно в области обычных вооружений, регулируемых Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1990 г., не может не вызывать озабоченности российской стороны. Однако вопрос о расширении Альянса к границам Российской Федерации был и остается центральным вопросом, детерминантой отношений России и НАТО.

В доктринальном докладе Министерства обороны Российской Федерации «Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации» 2003 г. прямо указывается: «Россия внимательно следит за процессом трансформации НАТО и рассчитывает на полное изъятие прямых и косвенных компонентов антироссийской направленности и из военного планирования, и из политических деклараций стран-членов альянса. Однако, если НАТО сохранится в качестве военного альянса с существующей сегодня наступательной военной доктриной, это потребует коренной перестройки российского военного планирования и принципов строительства российских Вооруженных Сил, включая изменение российской ядерной стратегии» [1, с. 40]. Данный документ среди возможных функций Сил постоянной готовности вооруженных сил Российской Федерации рассматривает в том числе и «сдерживание крупномасштабной войны на Западном стратегическом направлении» [Там же, с. 75-76].

В свою очередь, западные аналитики признают, что «спор относительно расширения НАТО остается, по сути, тем же, чем и был в 1990-х годах. Разница в том, что теперь Россия находится в гораздо более сильной позиции, чем в 1994 году, разговор идет не о Центральной Европе, а о постсоветском пространстве, и ставки гораздо более высоки» [7].

Однако выступивший на слушаниях в конгрессе 6 февраля 2007 г. Министр обороны США Роберт Гейтс, представляя военный бюджет Пентагона на 2008 год, подчеркнул, что Соединенные Штаты находятся перед лицом не только глобальной угрозы терроризма и ядерных амбиций Ирана и Северной Кореи, но и неоднозначной стратегии России и Китая, «которые обе проводят изощренную программу военной модернизации» [14]. Таким образом, характеризуя российскую реформу вооруженных сил в одном ряду со странами, отнесенными ранее Дж. Бушем-мл. к «оси зла», как непосредственный вызов американской обороноспособности, министр недвусмысленно позиционировал Россию как потенциального противника (хотя и для внутреннего использования).

По нашему мнению, именно данное высказывание и составляет суть последовательно проводимой военно-политической стратегии НАТО на расширение к российским границам, сохранение перевеса обычных сил и размещение элементов американской национальной противоракетной обороны в Европе с явно просматривающейся целью установить полный контроль на всем постсоветском пространстве, что, в свою очередь, является вызовом безопасности Российской Федерации.

Тем не менее, несмотря на подобное отношение лидера Альянса – США, российское геополитическое пространство в начале XXI века объективно остается одним из ключевых центров влияния глобального масштаба. И попытки вытеснить Россию как суверенного и значимого актора мировой политики на периферию интересов Запада и, что хуже, противопоставить им, по нашему мнению, приведут к дестабилизации существующей системы международной безопасности. Выход нам видится только один – консолидация усилий сторон по преодолению складывающегося конфликта интересов на основе позитивных тенденций развития отношений и в целях укрепления устойчивости глобальной системы безопасности перед лицом общих вызовов и угроз.

Выводы

На современном этапе процесс взаимодействия сторон в сфере национальной безопас-

ности России, с нашей точки зрения, помимо внешних влияний испытывает давление со стороны различного уровня внутренних противоречий, среди которых мы выделяем три типа: (1) внутренние противоречия в системе Россия – НАТО в целом, (2) противоречия внутри Североатлантического союза и (3) внутренние противоречия стран. В данной статье мы рассмотрели первый тип противоречий.

В нем мы выделили следующие противоречия:

- a) *идеологические* как служащие фундаментом для конкретного воплощения политики в той или иной сфере. Здесь отмечается, что идеологическое противостояние по линии «Запад – Восток» сменилось по сути цивилизационным противоречием «Запад – Россия», поскольку НАТО является инструментом как цивилизационной миссии Запада, так и его идеологии глобализации по западному типу. А российское общество не готово принять такую спорную парадигму развития;
- b) *экономические* как отражение сложившейся асимметрии мощи развитых стран Альянса и насущной необходимостью модернизации всего хозяйственного комплекса Российской Федерации на фоне обострения конкурентной борьбы за энергоресурсы и транспортные коридоры на всем пространстве Евразии;
- c) *военно-политические*, где основное противоречие между сторонами кроется в несовпадении их принципиальных позиций в рассмотрении вопросов международной безопасности и проявляется в вопросе о расширении НАТО и его военной инфраструктуры к границам Российской Федерации.

Литература

1. Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. – М.: Агентство «Военинформ» Министерства обороны Российской Федерации. – 2003.
2. Беликов Е. Запад ищет рычаги воздействия на Москву // Комсомольская правда. – 2008. – 27 авг.: URL: <http://www.kp.ru/daily/24153/368809/>
3. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М.: Андалус. – 2007.
4. Доувер Р. Столкновение недопонимания // Международная жизнь. – 2008. – № 10.
5. Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука. – 2007.
6. Константинов И. Модернизация экономики и оборонная мощь страны // Красная звезда. – 2007. – 9 февр.: URL: http://www.redstar.ru/2007/02/09_02/3_01.html
7. Манкофф Д. Выбор США // Международная жизнь. – 2008. – № 10: URL: http://www.interlife.ru/sodnom200810_11.htm
8. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И.С. Королева. – М.: Экономистъ. – 2003
9. Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. – 2004. – № 4(18)
10. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос. – 1998.
11. Противоречия России и НАТО // inoСМИ. – 2014 г. – 07 янв.: URL: <http://inosmi.ru/world/20140107/216322215.html>
12. Справочник НАТО. – Брюссель: НАТО. – 2006.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ. – 2006.
14. Gates Robert M. Posture Statement to the Senate Armed Services Committee. (Testimony, Senate Armed Services Committee, Washington, February 06, 2007).: URL: <http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=1121>
15. Huntington S. P. The Clash of Civilisations and the Remaking of the World Order. - New York, N.Y., 1996.
16. The World Factbook 2008. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>.
17. <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2008/01/pdf/c1r.pdf>
18. <http://www.eia.doe.gov/pub/international/iealf/tablef1.xls>

Дискуссии о создании первого советского правительства на II Всероссийском съезде Советов

к.и.н. Панин Е.В.

Университет машиностроения

ehonko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания первого советского правительства. Изучаются межпартийные споры относительно его состава. Представлена точка зрения как большевистских вождей, так и руководителей других партий.

Ключевые слова: Совнарком, ВЦИК, ВКП(б), эсеры, советы, съезд.

25 октября 1917 г. на заседании II Всероссийского съезда Советов А.В. Луначарский огласил обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам», в котором подтверждалось, что власть в стране передается в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Определялись главные задачи новой власти. «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, – говорилось в обращении, – опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки» [1. С. 53]. Таким образом, в обращении подтверждались полномочия съезда, его права на принятие законодательных актов и создание нового государственного аппарата, в обращении также говорилось о свержении Временного правительства и об аресте большинства его членов. Документ разъяснял первоочередную задачу, которая стояла перед Советами: обеспечить в стране «подлинный революционный порядок» [1. С. 53]. Принятый съездом документ признал необходимость учредить государственную структуру согласно программным установкам большевиков «Вся власть Советам», структуру, способную до созыва Учредительного собрания преодолеть сложную ситуацию в стране и установить «революционный порядок».

Представляется необходимым остановиться на концепции создания нового государства, разработанной В.И. Лениным еще до Октябрьской революции. В работе «Государство и революция» он изложил свои взгляды на главные черты нового государственного аппарата. В.И. Ленин разъяснил свое понимание марксистской теории относительно функции государства. Буржуазное государство, по его словам, является «машиной», которую надо разбить, чтобы уничтожить гнет капиталистов над массами трудящихся. «Освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено» [2. С. 8]. Он полагал, что разрушение старой государственной машины невозможно осуществить сразу, этот процесс требует времени [2. С. 16-22, 83-102]. В исторической литературе эта концепция рассматривается как единый процесс двух действий, осуществляющихся одновременно: «ломки старого государственного аппарата и создания нового» [3. С. 83].

По мысли В.И. Ленина, учреждение новой власти должно было вестись по образцу Парижской коммуны и требовало уничтожения буржуазного парламентаризма. Причем новый аппарат власти должен был одновременно осуществлять законодательную и исполнительную функции. «Представительные учреждения остаются, – писал В.И. Ленин, – но парламентаризма как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов здесь нет» [2. С. 48]

Накануне открытия II съезда Советов в ночь с 24 на 25 октября на экстренном заседании ЦК РСДРП (б) более подробно обсуждались вопросы создания на съезде нового правительства, его название и кандидаты в его состав. В работе М.П. Ирошникова «В.И. Ленин и Совнарком» говорится об обсуждении ЦК вопросов о названии Советского правительства и его будущих членах. Автор упоминает, что Л.Д. Троцкий предложил название «народный комиссар» вместо термина «министр», связанного с буржуазным парламентаризмом. Пред-